

RU

Повесть Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» в свете этнологии:
взгляд из XXI века

Фетисова Л. Е.

Аннотация. Цель данного исследования – с позиций современного развития гуманитарного знания выявить особенности использования этнографических реалий на содержательном и сюжетном уровнях в повести Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». Научная новизна работы заключается в том, что основное внимание сосредоточено не на мифопоэтической составляющей повести, а на ряде этнографических реалий, ранее не привлекавших внимания литературоведов. В статье отмечается важная структурообразующая роль поэтического монолога автора о малой родине – реке Сукпай. Особое внимание уделяется внутрисемейным взаимоотношениям рода Кимонко на фоне традиционного брачного уклада удэгейцев; подчёркивается осознанный характер положительного отношения писателя к переменам, происходившим в жизни его народа в первой трети XX в. В результате исследование показало, что описание повседневного быта удэгейцев играет в повести не второстепенную роль, а является своеобразным художественным приёмом, позволяющим представить культурную многослойность исторического времени.

EN

The story “Where Sukpai Runs” by Jansi Kimonko
from the point of view of ethnology: A view from the 21st century

Fetisova L. E.

Abstract. The aim of this study is to identify the features of using ethnographic realities on the thematic and narrative levels in the story “Where Sukpai Runs” by Jansi Kimonko from the standpoint of modern humanistic knowledge. The scientific novelty of the work lies in the fact that the main focus is not on the mythopoetic component of the story, but on a range of ethnographic realities that have not previously attracted the attention of literary scholars. The article emphasizes the important structuring role of the author's poetic monologue about his homeland, the Sukpai River. Special attention is given to the intra-family relationships of the Kimonko clan against the backdrop of the traditional marital arrangements of the Udege people. The study underscores the deliberate nature of the author's positive attitude toward the changes that took place in the life of his people in the first third of the 20th century. As a result, the study showed that the description of the everyday life of the Udege people in the story plays not a secondary role, but serves as a unique artistic technique, allowing for the presentation of the cultural multiplicity of historical time.

Введение

Современная гуманитаристика характеризуется возрастанием интереса к так называемым «миноритарным» литературам. К ним относятся и младописьменные литературы России. Актуальность настоящего исследования обусловлена назревшей потребностью рассмотреть литературное наследие писателей-этнофоров с позиций междисциплинарного этнофилологического подхода, основанного на достижениях современной гуманитаристики. Среди писателей, представляющих юг российского Дальнего Востока, получили известность нанайские, ульчские, удэгейские, нивхские авторы. В данной статье речь пойдёт о творчестве основоположника удэгейской литературы Джанси Кимонко.

По справедливому мнению известного исследователя художественного феномена отечественного циркумполярья А. А. Арзамазова (2019, с. 623), младописьменная литературная традиция составляет духовное богатство нашей страны и оригинальную часть общемирового культурного наследия. Подтверждением данного тезиса может служить публикация в 2010 г. Университетом Миннесоты (США) первой англоязычной антологии литературы коренных народов Сибири «Дорога родства» (“The Way of Kinship: An Anthology of Native Siberian Literature”), подготовленной проф. Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова А. В. Ващенко и проф. Университета Огайо, писателем К. К. Смитом (Воронченко, Фёдорова, 2021, с. 152).

В прошлом появление авторов-этнофоров рассматривалось прежде всего как достижение национальной политики советского государства. Надо признать, что подобная позиция имела реальные основания. В таком ключе написаны многие работы по данной проблематике (Пархоменко, 1979; Иващенко, 1995; Дулин, 2007). Однако следует также иметь в виду, что ранние литературные опыты писателей – представителей коренных народов имели «скрытое соавторство» в лице переводчиков их художественных текстов. Отсюда известная шаблонность этих произведений, в частности акцентируемая бинарность композиции по принципу «раньше – теперь». В связи с этим О. К. Лагунова подчёркивает: «Зависимость слова предыдущих поколений национальных мастеров от качества работавших с ними переводчиков была наглядной, жёсткой, иногда конфликтной и даже компрометирующей» (2008, с. 5). Тем не менее опора на национальные эпические традиции и на этнокультуру своего народа придавали авторскую индивидуальность каждому произведению. Неудивительно, что значительное число исследователей младописьменных литератур прежде всего обращались к анализу их художественного стиля в сравнении с традиционной мифопоэтикой (Жулева, 2019; Малзурова, 2015; Хазанкович, 2020). Наряду с этим творчество индигенных авторов рассматривалось как источник реконструкции традиционного образа жизни и этнокультуры в целом (Воронченко, Фёдорова, 2021, с. 151).

Со временем «миноритарные» литературы изменились коренным образом. Главной причиной явились свободное владение русским языком и знакомство авторов с русской литературой. Обратной стороной этого процесса стала утрата родных языков. Если ещё во второй половине XX в. билингвизм считался существенным фактором развития литературного процесса в России, то в XXI столетии речь идёт об особенностях русскоязычной прозы как стилистическом феномене в литературе малочисленных этносов (Хазанкович, 2009, с. 4). А. А. Арзамазов полагает, что современные писатели-этнофоры будут чаще проявлять «в пространстве русскоязычных текстов свои этнокультурные символы, мифологемы, метафоры» (2021, с. 255). Следовательно, накопленный отечественным литературоведением опыт должен быть переосмыслен с учётом «новых возможностей гуманитарного знания» (Арзамазов, 2019, с. 623). Таким образом, теоретической базой исследования послужили рассмотренные выше труды ведущих специалистов, занимающихся проблемами младописьменных литератур народов России.

В концептуальном отношении для автора статьи большое значение имели теоретические положения О. К. Лагуновой (2008, с. 7) относительно возможностей этнофилологического подхода, предполагающего сплав отечественной исторической поэтики, культурно-исторической школы литературоведения и мировой этнологии.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: провести анализ повести «Там, где бежит Сукпай», используя этнофилологический подход в качестве базовой стратегии; выявить этнографические эпизоды, важные для понимания авторского восприятия действительности; показать значимость выделенных эпизодов на сюжетном и содержательном уровнях художественного текста.

При решении поставленных задач, наряду с этнофилологическим, применялись также биографический и культурно-исторический методы. Обращение к биографическому методу позволило проследить становление личности удэгейского писателя в сложной исторической ситуации первой половины XX в. Культурно-исторический метод дал возможность определить этнографические реалии, сыгравшие наиболее важную роль в формировании авторского стиля Джанси Кимонко, органично сочетавшего этнопоэтические традиции удэгейского народа и художественный опыт русской литературы.

Научная значимость результатов исследования заключается в том, что они существенно дополняют сложившиеся представления о роли этнокультуры в формировании индивидуального художественного стиля писателей-этнофоров, в частности удэгейца Джанси Кимонко.

Основным источником исследования явилась повесть «Там, где бежит Сукпай» (Кимонко Дж. Там, где бежит Сукпай. Повесть / пер. с удэгейского Ю. Шестаковой. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972). Большой интерес представляют воспоминания Ю. А. Шестаковой о встречах с писателем и совместной работе над повестью (Шестакова Ю. Предисловие // Кимонко Дж. Там, где бежит Сукпай. Повесть / пер. с удэгейского Ю. Шестаковой. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1972; Шестакова Ю. Встречи и расставания. Хабаровск: Хабаровский краевой благотворительный фонд культуры, 2003). К этому надо добавить полезную информацию из документальной повести Ю. А. Шестаковой «Новый перевал». Рассказ о детстве и юности удэгейского писателя, Юлия Алексеевна представила его читателю как умелого администратора, председателя сельсовета национального с. Гвасюги: «Добрый, открытый, понимающий взгляд из-под припухлой складки век, кроткая улыбка и всегда к месту сказанные шутка или серьёзное замечание как-то сразу располагают к беседе» (Шестакова Ю. Новый перевал // Шестакова Ю. Вместе с друзьями. Хабаровск: Дальневосточное гос. изд-во, 1950, с. 33). Такая информация способствует объективному восприятию образа центрального персонажа повести «Там, где бежит Сукпай».

Для понимания специфики художественного мышления Джанси Кимонко привлекались его письма к Ю. А. Шестаковой (Письма из тайги для Юлии Шестаковой // Словесница искусств. 2004. № 2 (14); Позина Н. С. Первый из удэге // Словесница искусств. 2009. № 2 (24); Салеева Л. Джанси Кимонко, первый из удэге // Словесница искусств. 2011. № 1 (27)), а также оригинальные тексты удэгейского фольклора (Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998; Салинский С. М. Птицы возвращаются в сны. Повесть-явь. Повесть-сон. Владивосток: Валентин, 2015).

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать её материалы и выводы в практике преподавания курса «Литература народов России».

Обсуждение и результаты

Джанси Кимонко (1905-1949) по праву считается основоположником удэгейской литературы. Очень важно, что свои тексты он создавал на родном языке. Наиболее основательно писательская судьба, особенности художественного стиля и в целом творчество удэгейского автора представлены в кандидатской диссертации Л. В. Оганезовой (2004, с. 2), которая проанализировала тексты Кимонко на фоне национальных культур народов Сибири и Дальнего Востока с учётом обычаев, религиозных воззрений, этических и эстетических установок этноса удэге.

Ранее повесть Дж. Кимонко «Там, где бежит Сукпай» в числе произведений других писателей-этнофоров первой половины XX в. с точки зрения её жанровой природы и художественной специфики была рассмотрена в монографии А. В. Пошатаевой (1988). Идеи исследователя получили развитие в её докторской диссертации. Автор подчёркивает, что произведение, созданное в первые послевоенные годы, вобрало художественные достижения литераторов-северян, работавших в 1930-е гг. В жанровом отношении характер повести «Там, где бежит Сукпай» А. В. Пошатаева (1989, с. 32-33) квалифицирует и как исторический, и как автобиографический.

Интересная публикация о жизни и творчестве удэгейского писателя появилась в 2009 г. – в год 60-летия со дня его гибели (Удэгейская литература..., 2009). Составители сборника заострили внимание на малоизвестных фактах биографии Дж. Кимонко, которые были прокомментированы в свете открывшейся информации.

Джанси Кимонко родился в семье охотника в стойбище Гвасюги (ныне с. Гвасюги района им. Лазо Хабаровского края) и практически до 22 лет его образ жизни был традиционным для удэгейца. Однако известно, что в годы Гражданской войны Джанси помогал партизанам: снабжал их провизией и служил проводником. Этот опыт способствовал расширению сферы самосознания молодого человека. Встреча с русской девушкой Натальей Баклановой изменила жизнь удэгейского охотника коренным образом. Он начал учить русский язык и осваивать русскую грамоту. В 1928 г. Джанси поступил на подготовительное отделение техникума народов Севера в Хабаровске, где получил начальное образование. В 1932 г. он был избран председателем артели удэгейских охотников (Позина, 2009; Салеева, 2011). Тогда же в качестве проводника участвовал в подавлении восстания крестьян-староверов в районе р. Бикин, за что был награждён именным оружием и Почётной грамотой (Чернявский, 2019). Официальной властью восстание было объявлено проявлением бандитизма, и, думается, Джанси Кимонко не сомневался в такой оценке.

Через два года он был направлен в Ленинград в Институт народов Севера, где проучился с 1934 по 1936 г. По инициативе учёного-североведа, преподавателя института Е. Р. Шнейдера Джанси написал рассказ «Бата». Первую пробу пера молодого автора высоко оценили этнографы. Рассказ получил вторую премию от Гослитиздата за лучшее оригинальное произведение на языках народов Севера (Удэгейская литература..., 2009, с. 4).

Обучение в институте Дж. Кимонко не закончил, так как, по-видимому, учитывая его биографию, из Джанси решили готовить нового управленца: его направили в Москву на Центральные курсы советского строительства. В 1937 г. по окончании курсов Джанси вернулся в с. Гвасюги для работы на должности председателя сельского исполкома. Однако в 1939 г. его обвинили в шпионаже и арестовали. К счастью, в конце 1939 г. он был освобождён и вернулся в Гвасюги, где до конца 1942 г. работал бригадиром и заместителем председателя колхоза, а затем вновь был избран председателем сельского исполкома. В годы войны Дж. Кимонко служил в пограничных войсках, после чего вернулся в родное село (Чернявский, 2019).

Его писательская деятельность началась после встречи с журналисткой Ю. А. Шестаковой, которая, познакомившись со стихотворениями Джанси, предложила ему обратиться к художественной прозе. Е. Р. Шнейдер, первым оценивший творческий потенциал молодого удэгейца, был репрессирован в 1938 г., и написанный по его инициативе рассказ «Бата» так и не был опубликован, но впоследствии переработанный текст был включён в повесть «Там, где бежит Сукпай». Джанси очень серьёзно относился к литературному труду, внимательно прислушивался к советам Юлии Алексеевны и не сразу почувствовал себя писателем. Вероятно, не случайно он считал началом своей литературной деятельности 1947 год (Салеева, 2011, с. 84). Книга осталась неоконченной, первые две части повести увидели свет после смерти автора: Джанси Кимонко погиб на охоте в схватке с медведем в июне 1949 года.

Система первообразов в творчестве Дж. Кимонко базируется на этнокультурной картине мира удэгейцев, составляя основу его мировидения и художественного мышления. Показательны уже начальные строки произведения, раскрывающие этническую историю удэгейцев: «*Родина дедов, отцов – Сукпай-река. Прадеды мои нашли тебя. Прадеды мои по следу выдры пришли с Самарги-реки...*» (Кимонко, 1972, с. 16). И здесь автор уводит читателя в ещё более далёкое прошлое, когда его сородичи называли себя *Киа* и жили на морском побережье. Историческое предание повествует о конфликте, в котором был убит предводитель племени, а его соплеменники отказались от старого наименования, покинули родные места и стали «лесными людьми».

Информацию о том, что прежде «лесные люди» удэгейцы жили на берегу моря, содержат многие фольклорные тексты. В предании из материалов В. К. Арсеньева говорится, что этот народ покинул побережье после нападения маньчжуров, которые «стали приставать к удэгейским женщинам и насиловать их». В другом предании речь идёт о неких пришедших с юга «неизвестных людях», которые начали притеснять удэгейцев: они отбирали всю рыбу, всё мясо, добытое на охоте. Удэ перебили врагов из самострелов, но потом, убоявшись их мести, вынуждены были уйти за Сихотэ-Алинь (Фольклор удэгейцев..., 1998, с. 485).

Исторический фольклор содержит также сведения о том, что и морское побережье не было прародиной всех удэгейцев. В повести польского писателя С. М. Салинского, чьи детство и юность прошли в Южно-Уссурийском крае, приводится предание об исходе удэгейцев «из очень дальних степей и пустынь»: «Племя двинулось на восток в поисках места на земле, где оно сможет остановиться и снова пустить вырванные из земли корни» (2015, с. 259). Исследователи связывают с этой группой этнонимы *кякари*, *кяка*, *киакала*, *кэкал*, *кьэкаль*, *цякала* и пр. (История и культура..., 1989, с. 20). Заслуживает внимания тот факт, что в повести «Там, где бежит Сукпай» праязным *киа* прямо соотносится с родом *Кимонко*. Таким образом, автор увязывает историю своего рода с формированием удэгейской этнической общности из групп разного происхождения.

Автор следует удэгейской эпической традиции, выполняя функцию традиционного сказителя. Поэтические монологи о малой родине, имеющие общий зачин («родина дедов, отцов – Сукпай-река»), трижды появляются на страницах повести. Этот образ становится сквозным, скрепляя разные части произведения (Кимонко, 1972, с. 16, 71-73, 121).

В. В. Огрызко ошибочно полагает, что в повести Кимонко этнографии «отведена всего лишь прикладная роль» (2010, с. 214). На самом деле воспоминания писателя «культурно ориентированы» (Репина, 2016, с. 93). Только таким образом он мог показать глубинную соотнесённость прошлого удэгейцев с их настоящим и будущим (как оно виделось в 1940-х гг.). Л. В. Оганезова (2004, с. 7) отмечает в тексте такие явления традиционного быта, как удаление роженицы в особый шалаш; проводы покойника в загробный мир; жертвоприношения до и после охоты; «договорённость» с медведем и тигром о ненападении; суд животных и др., но обыденная жизнь рода Кимонко осталась за пределами интересов исследователя.

Традиционный уклад удэгейцев с большой художественной выразительностью описан в первых главах повести, где окружающая действительность представлена с позиций ребёнка, для которого авторитет взрослых является незыблемым основанием «правильного» образа жизни. Уже с раннего возраста герой понимает, что он принадлежит к мужской части сообщества и должен стать настоящим добытчиком, будущим кормильцем семьи, как наказывал ему дед: «Учись стрелять зверя. Будешь поддерживать пламя нашего костра, когда мы, одряхлев, сядем за спиной сильных» (Кимонко, 1972, с. 30). Вместе с тем в повести объективно показана значимость представителей обоего пола. Для Джанси бабушка являлась таким же учителем жизни, как и дед. Именно её комментарии к происходящим событиям и ежевечерние детские сказки сформировали многие аксиологические представления подрастающего внука.

Люди, окружавшие Джанси с детства, демонстрировали глубокую привязанность друг к другу. Казалось бы, автор не заостряет на этом специального внимания, но читатель видит, что все пары в трёхпоколенной семье Кимонко связывает подлинное чувство: это взаимоотношения деда и бабушки, прочный союз родителей героя, а также взаимная любовь дяди Ангирчи (младшего брата отца) и его жены Яту. На особые отношения между супругами в семье Кимонко первым обратил внимание В. В. Огрызко, который заметил: «Дух автобиографической прозы удэгейского писателя определили прежде всего вечные мотивы любви (курсив автора статьи. – Л. Ф.) и смерти» (Удэгейская литература..., 2009, с. 28).

Однако подобные взаимоотношения не были нормой в патриархальном обществе, где главенствующим и постоянным элементом были мужчины, а женщины – зависимым и переменным. Наблюдая за поведением старшего поколения, молодёжь впитывала коллективный опыт и находила своё место в общественной иерархии. Традиционное воспитание должно было отдалить братьев, опору отцовского рода, от сестёр, которым предстояло уйти в род мужа. В новой семье женщина занимала подчинённое положение по отношению ко всем родственникам старше себя. Держаться свободно разрешалось только с младшими по возрасту. Зависимое положение слабого пола было зафиксировано правовыми нормами. Преступления, направленные против женщины, карались менее сурово, чем преступления в отношении мужчины (Фадеева, 2006, с. 14).

Рассказы о женщинах с трагическими судьбами составляют яркие страницы повести; среди них история Пайды. После смерти мужа женщина хотела соединить свою жизнь с человеком, которого любила ещё до замужества (он не смог уплатить выкуп за невесту её родителям). Овдовев, Пайда ушла к любимому, отказав мужчинам из рода мужа. За нарушение «лесного закона» Пайду жестоко высекали, но убить не осмелились: «Если убить её, все узнают, будет нехорошо. Соболей у неё нет, выкупа не будет...» (Кимонко, 1972, с. 41-43). Решили изгнать женщину с Хора. Несчастливая вскоре умерла.

Не менее показательна судьба Яту, жены Ангирчи, дяди героя. Бабушка рассказала, что девочка появилась в семье Кимонко в качестве «компенсации» за смерть их дочери, которую увёз нааец Пуга, торговец с Амура. У южных тунгусо-маньчжуров женщина часто выступала в качестве средства оплаты штрафа пострадавшей стороне. Например, у нанайцев в десятикратный выкуп, который назначался как замена кровной мести, включались: девочка, живой медведь, тюк шёлка, матерчатый ватный халат, чугунный котёл, копё. Как отмечали информанты Ю. А. Сема (2018, с. 235-236), мужчина никогда в состав виры не входил.

Девочка, которую называли *Мангмукай* («Амурская»), не говорила по-удэгейски, но выучила язык, её полюбили и вырастили как родную, потом выдали замуж за Ангирчу. Писатель подчёркивает: «Ангирча и Яту любили друг друга. Это был редкий брак, освящённый дружбой» (Кимонко, 1972, с. 52). Овдовешую Яту взял в жёны для своего сына богатый родственник с р. Хор Чингиса Кимонко. В его доме с ней плохо обращались: избивали и морили голодом. Узнав об этом, родители Джанси решили забрать Яту, однако им пришлось сделать вид, будто это она виновата в неудавшемся браке. Чингиса жаловался, что невестка ничего не умеет делать и совсем не слушается. «Отец поднялся. Он подошёл к Яту вплотную и несколько раз ударил её по спине. “Какой же ты человек, если не можешь слушаться старшего? Вот тебе, жаба амурская! Вот! Разве мы тебя

этому учили?» (Кимонко, 1972, с. 54). После соблюдения необходимых формальностей, не испортив отношения с родственниками, родители увезли Яту. Таким образом, внутренней логикой авторского повествования её судьба оказывается связанной с историей Пайды, являющейся внесюжетным эпизодом повести.

Взросление главного героя сопровождалось расширением сферы его самосознания. Историко-культурное пограничье (время, в котором живёт Дж. Кимонко) – время корректировки традиционных представлений о жизни. Процесс трансформации прежних социальных структур, переход к новым принципам общественного устройства всегда сопровождаются неоднозначным восприятием старого и нового. Обыденным сознанием это воспринимается как противоборство «своего» и «чужого».

Юный Джанси, подобно его предкам, делил всех людей на две группы. Первая – это «свои»: нани, удэ, нанайцы, эвенки и «все, кто знает рыбный промысел и охоту, а после смерти уходит в подземное царство». Все остальные назывались «нгандугу» – те, кто имеет письменность и связан с Богом, живущим на небе (Кимонко, 1972, с. 66). Из восточных соседей Джанси были известны японцы, корейцы и китайцы, с которыми существовали давние торговые отношения. О русских у представителей рода Кимонко имелась лишь самая общая информация (Кимонко, 1972, с. 44).

Для Дж. Кимонко знакомство с русскими людьми имело судьбоносное значение, хотя на первых порах его многое удивляло, даже внешний вид новых дальневосточников. Об этом, в частности, говорит описание внешности Натальи Баклановой: «Я смотрел на её чистое, покрытое розовым загаром лицо без скул и вспомнил о том, как ещё в детстве бабушка говорила, отчего у русских длинные, а не скуластые лица. Неужели и правда, что им тесно жить в городе?» (Кимонко, 1972, с. 138). Спустя много лет писатель с нежностью вспоминал свою первую учительницу: «Светлые волосы, заплетённые в две косы, золотились у неё на плечах. Из серых глаз струился мягкий, ласкающий свет. Светлая, лучистая, она казалась мне чайкой, которая прилетела откуда-то издалека, где всё пропитано солнцем» (Кимонко, 1972, с. 138). Не исключено, что у Нэдыги Кимонко, супруги Джанси, имелись основания для ревности.

Современные критики достаточно единодушно подчёркивают, что вторая часть повести по художественным достоинствам значительно уступает первой, и не без оснований видят в этом доминирование авторства Ю. А. Шестаковой (Удэгейская литература..., 2009, с. 23, 63). Во второй части перед читателем предстаёт человек, не просто испытавший влияние большевистских идей, но ставший убеждённым их проводником. Заметно, что образ центрального персонажа утрачивает яркую индивидуальность, становясь транслятором идей, которые трудно передать на удэгейском языке. Однако нет сомнений в том, что молодой удэгеец, в отличие не только от старшего поколения, но и значительной части своих сверстников, принял происходившие перемены.

В. В. Огрызко, побывавший на родине Дж. Кимонко, получил информацию о том, что некоторые удэгейцы были убеждены, будто писатель погиб в схватке не с медведем, а со злым духом. Так он был наказан за отступничество от образа жизни, завещанного предками (Удэгейская литература..., 2009, с. 33). Критик полагал, что в глубине души Дж. Кимонко не принял политики новой власти. Летом 1949 г. он отправился в тайгу, чтобы обрести душевное спокойствие, но его жизнь оборвала встреча с медведицей (Огрызко, 2010, с. 217).

Думается, вряд ли такие мысли одолевали Дж. Кимонко, который, подобно многим гражданам СССР, верил в светлое будущее. Сохранившиеся письма писателя говорят о том, что он был настроен на продолжение работы. Содержание новых глав подробно обсуждалось с Ю. А. Шестаковой. Безусловно, генеральную линию повести предлагала Юлия Алексеевна. Предполагалось, что речь пойдёт «о первых шагах удэгейцев по новой жизненной дороге» (Кимонко, 1972, с. 10). Трудно сказать, каким бы получился этот текст, но интересно, что предлагал сам писатель. Не исключено, что он намеревался избегать излишней патетики. Например, автор собирался рассказать, как его сородичи отпустили в тайгу колхозных лошадей, а дрова и сено по-прежнему возили на собаках. По словам Ю. А. Шестаковой, обо всём Дж. Кимонко рассказывал со «светлым юмором, так всегда отличавшим его» (1972, с. 10). Однако работа продвигалась медленно, т. к. основное время занимали обязанности председателя сельского исполкома, мешали и неурядицы в личной жизни (Письма из тайги..., 2004). Несмотря на это, думается, попытки представить Дж. Кимонко первым «диссидентом» среди писателей-этнофоров не соответствуют действительности.

Повесть «Там, где бежит Сукпай» получила высокую оценку и читателей, и критиков. Книга была переведена на немецкий, французский, испанский, польский, венгерский, корейский языки (Оганезова, 2004, с. 8), а также вошла в первую англоязычную антологию литературы коренных народов Сибири (Воронченко, Фёдорова, 2021, с. 152). В наши дни первый удэгейский писатель стал знаковой фигурой в культуре своего народа.

Заключение

Осуществлённое исследование позволяет по-новому взглянуть на оригинальный памятник удэгейской литературы – повесть «Там, где бежит Сукпай». Её тематический диапазон достаточно широк. Этнографические реалии позволили автору в сжатом виде показать историю одного из тунгусо-маньчжурских народов – удэгейцев. Отбор этнографических эпизодов для данной статьи определялся задачами исследования. Кроме того, в силу специфики материала их менее всего коснулась правка переводчика. Описание мироощущения ребёнка, подростка и юноши, рождённого и воспитанного в традиционном обществе, основано на личном опыте автора. Привлекает внимание не только событийный ряд произведения, но и художественное моделирование внутреннего мира человека, без колебаний принявшего новые принципы общественного устройства.

Жанр повести определяется как автобиографический. Центральной фигурой является образ автора-повествователя. Развитие сюжета в целом построено по хронологическому принципу. Вместе с тем основная линия повествования, представленная на конкретном этнографическом фоне, позволяет связать индивидуальную судьбу главного героя с исторической судьбой удэгейского этноса. Благодаря этому при сравнительно небольшом числе действующих лиц создаётся впечатление широкого эпического полотна. Совокупность этнографических реалий дала автору возможность не только описать этническую специфику мироздания удэгейцев, но и показать трансформацию традиционных представлений под влиянием внешних факторов политического и социально-экономического характера.

Опираясь на мифопоэтическое и героико-эпическое наследие своего народа, Джанси Кимонко сумел придать произведению стилистическое своеобразие, которое выделяет повесть «Там, где бежит Сукпай» среди художественных автобиографий других писателей-этнофоров. Рассмотренные этнографические эпизоды, сопровождающие хронологическое развитие действия, а также поэтические характеристики действующих лиц придают тексту лиро-эпическое звучание, а произведению в целом – этнокультурный колорит.

Аксиологическая значимость национальных традиций, остро осознаваемая писателями рубежа XX-XXI вв., не является полемически заострённой в повести Дж. Кимонко: автор вырос и сформировался в естественной этнокультурной среде своего народа, ещё не утраченной в первой половине XX в., и не мог предполагать необратимости происшедших изменений. Страницы повести, насыщенные этнографическими подробностями, убедительно представляют культурную многослойность исторического времени и благодаря этому сохраняют художественную привлекательность для современного читателя. Перспектива дальнейшего исследования видится в изучении литературного наследия Джанси Кимонко в сравнении с творчеством писателей-этнофоров XX-XXI вв.

Источники | References

1. Арзамазов А. А. Между «своим» и «чужим»: языковые и художественные реалии, проблемы, перспективы литературы народов Крайнего Севера и Дальнего Востока // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6-2.
2. Арзамазов А. А. Пути развития «миноритарной» литературы: поэзия ненца Прокопия Явтысото // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4.
3. Воронченко Т. В., Фёдорова Е. В. Эвенкийская литература и фольклор в пространстве трансграничья (Россия – Китай): обзор современных отечественных и зарубежных исследований // Научный диалог. 2021. № 9.
4. Дулин Б. М. От алфавита к роману. Становление и развитие литературы коренных народов Приамурья (на материале нанайской, удэгейской и ульчской литературы). Хабаровск: РИОТИП, 2007.
5. Жулева А. С. Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019.
6. Иващенко Л. Я. Исторические аспекты создания и развития многонациональной художественной литературы на Дальнем Востоке России. 1917 – середина 1980-х годов (очерки). Владивосток: Дальнаука, 1995.
7. История и культура удэгейцев / гл. ред. А. И. Крушанов. Л.: Наука, 1989.
8. Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркати): автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2008.
9. Малзурова С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-80-х гг. XX века: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2015.
10. Оганезова Л. В. Творчество Джанси Кимонко как основоположника удэгейской литературы: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2004.
11. Огрызко В. Вопреки традициям // Дальний Восток. 2010. № 3.
12. Пархоменко М. Н. Рождение нового эпоса. М.: Современник, 1979.
13. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера (Истоки. Становление. Развитие). М.: Наука, 1988.
14. Пошатаева А. В. Литературы народов Севера. Роль духовного наследия в художественном опыте современности: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1989.
15. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. The New Past. 2016. № 1.
16. Сем Ю. А. Историческая этнография нанайцев: родовая организация и её трансформация (по материалам XIX-XX вв.). СПб.: Контраст, 2018.
17. Удэгейская литература. Материалы и исследования: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2009.
18. Фадеева Е. В. Женщина в традиционном обществе и семье коренных народов Нижнего Амура (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дисс. ... к. ист. н. Владивосток, 2006.
19. Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литератур): автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2009.
20. Хазанкович Ю. Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики. М.: Флинта, 2020.
21. Чернявский А. Где детство его смеялось и плакало // Тихоокеанская звезда. 2019. 14 февраля.

Информация об авторах | Author information**Фетисова Лидия Евгеньевна¹**, к. филол. н.¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток**Fetisova Lidia Evguenievna¹**, PhD¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok¹ fetisova.lidie@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 13.10.2023; опубликовано online (published online): 30.11.2023.

Ключевые слова (keywords): Джанси Кимонко; первый удэгейский писатель; повесть «Там, где бежит Сукпай»; этнографические реалии; сюжет; Jansi Kimonko; first writer of the Udege people; story “Where Sukpai Runs”; ethnography realities; plot.